

государственной власти» на определенном этапе времени и о траектории дальнейшего развития этого понятия. Изучение шерти калмыцкого Аюки-тайши, как подданного русского царя, позволило сделать важный вывод: власть сильна, когда она опирается на традиции предков и отвечает адекватно на актуальные запросы времени. Лингвистическое изучение документов, подобных шерти (и шире – клятв, совместных договоренностей), важно еще и потому, что на их основе с момента вхождения калмыков в состав России (в 1709 г.) осуществлялись реальные дела, происходило взаимодействие русского и калмыцкого народов в разных сферах (военной, политической, культурной, экономической, правовой и т. д.) деятельности, росла и укреплялась дружба двух народов, что находило прямое отражение в языках обоих народов – русском и калмыцком.

Ключевые слова

Царская Россия, XVII век, калмыцкий народ, шерть Аюки-тайши, определение обладателей власти

В архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Элисты и некоторых других городов хранятся документы XVII–XVIII вв., содержащие важную информацию о формировании и становлении Калмыцкого ханства и образовании калмыцкой народности – новой народности – только в составе Российского государства. Эти документы разных жанров и тематической направленности, как показывает практика, больше всего привлекают пока внимание историков [Авляев 1994, Батмаев 2002, Колесник 2003, Митиров 1998, Пальмов 1993, Посольские книги 2003, Тепкеев 2012].

Появились, однако, и первые работы, посвященные анализу языка русских переводов XVIII в. деловых писем калмыцких ханов и владельцев, а также некоторых документов за подписью В. Н. Татищева (в бытность его главой Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел и астраханским губернатором в 1741–1745 гг.) и т. д. Эти работы выполнены на основе документов из фонда Национального архива Республики Калмыкия (далее НАРК. – Д. С.) [Русские переводы 2013, Сусеева и Хараева 2012, Сусеева 2016, Хараева 2014].

Цель настоящей работы – показать архивные материалы XVII–XVIII вв. как документную основу для решения некоторых лингвистических вопросов, имеющих отношение к проблеме «Человек и власть». Объектом исследования является один из документов 70-х годов XVII в., а именно – шерть (от арабского слова ‘šart’ – ‘соглашение, условие’, применялось для процедуры заключения договора международного характера) калмыцкого тайши Аюки. Предмет исследования – язык этого документа. Задачи исследования – выделить, проанализировать и прокомментировать лексические средства, раскрывающие реальные отношения властных структур Российского государства с руководством калмыцкого народа на момент подписания шерти Аюкой-тайшой. В работе был использован системный метод для раскрытия отношений лексических единиц. Кроме того, привлекались методы, учитывающие жанр и содержание текста документа, время и место его написания, статус лиц, имевших отношение к этому документу.

Материалом для исследования послужил текст шерти Аюки-тайши, который содержится в статейном списке астраханского воеводы Я. Н. Одоевского от 27 февраля 1673 г., хранящийся в РГАДА и впервые опубликованный в книге «Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Научное издание» [Посольские книги 2003, с. 11]. Статейный список как один из жанров деловых документов XVII в. представляет собой подробный отчет Я. Н. Одоевского о проделанной им работе в качестве представителя царской власти

по подготовке, организации и приведению к присяге на верность русскому царю Алексею Михайловичу калмыцкого тайши Аюки [Посольские книги 2003, с. 11].

Об истории возникновения статейного списка Я. Н. Одоевского в своем предисловии к сборнику «Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг.» Н. Рогожин и М. Батмаев, составители этого сборника, пишут следующее:

...в 1669 г. умер тайша Мончак и в управление калмыцкими улусами вступил его сын – тайша Аюка. Смена правителей вызвала ожесточенное столкновение среди нескольких групп калмыцкой знати. Аюка, обладая способностями военачальника и политика, в кратчайший срок расправился со своими противниками, укрепил свою власть и продолжил жестокую и довольно успешную централизаторскую политику, начатую его предшественниками – дедом Дайчином и отцом Мончаком. Возвышение Аюки не осталось незамеченным царским правительством. Появилась срочная необходимость обговорить и соответствующим образом оформить основные принципы взаимоотношений с новым правителем калмыцких улусов. После довольно длительных переговоров, 27 февраля 1673 г. на р. Соляной близ Астрахани в присутствии воеводы Я. Н. Одоевского Аюка подкрепил шерть отца за себя и за своих подвластных. В «Статейном списке» Я. Н. Одоевского подробно освещены не только все эти события, но и представлен текст шерти Аюки-тайши [Посольские книги 2003, с. 8].

Шерть – это «присяга у мусульман на подданство» [Даль 1980, т. 4, с. 450]. У калмыков есть свой термин для обозначения клятвы – *андһар* [КРС 1977, с. 43]. Причина того, почему вместо калмыцкого термина *андһар* использовался термин *шерть*, в калмыковедении до настоящего времени пока не выяснена.

Шерть, данная Аюкой-тайшой, по содержанию и форме соответствует больше русскому слову *присяга*. Присяга – это действие по глаголу *присягать*. «*Присягать* – клясться, дать присягу, клятву, клятвенное обещание или уверение в чем; призывать гласно и торжественно Бога во свидетельство, с установленными церковью обрядами» [Даль 1980, т. 3, с. 450].

По содержанию шерть Аюки-тайши можно разделить на 11 смысловых частей следующего содержания: 1) кто – кому – в силу каких традиций дается присяга; 2) место – время – от имени кого и кому – по каким законам – при каких свидетелях дается присяга; 3) основное клятвенное обещание – быть в «вечном подданстве»; 4) соблюдать внутренние законы страны, 5) быть на службе вместе с «ратными людьми» великого государя в борьбе с внешними врагами; 6) клятвенное обещание не вступать в связь с внешними противниками русского государя, с ними «в миру не быть и ружьем и лошадьми их не ссужать, и людей в помочь не давать»; 7) кочующих с ним людей, если будут участвовать в воровстве и грабеже государевых людей, Аюка-тайша обещал «унимать и розорять их безо всякого отговору»; 8) русских полонников, бегущих из плена из Бухары, Юргенича, Хивы и других мест, «мне, Аюкаю, и братье моей, и племянником, и улусным людям не задерживать и отпускать в города царского величества, и в улусех о том заказ учинить, и которые полонники великого государя его царского величества городов, и ныне сыщутца в калмыцких улусех, и тех отослать в города царского величества»; 9) посольщиков (посланников) великого государя «мне, Аюкаю, и иным тайшам, и улусным людям, которые с нами кочуют, тем присыльщикам безчестья никакова не делать и не бить их, и не грабить, и тесноты им у себя не чинить, и отпускать их безо всякого задержанья»; 10) по первому зову великого государя «нам всем, тайшам и улусным нашим калмыком, и мурзам, и улусным их людям на Крым и на крымские улусы, и на иных ево государских непослушников ходить безо всякого мотчанья»; 11) повтор всего выше сказанного в краткой форме.

В первой части шерти дается четкое представление о том, кто является для калмыцкого народа носителем государственной власти в России на момент принятия присяги, так как Аюка-тайша прямо называет тех, кому он присягает.

Носителем государственной власти являлся царь Алексей Михайлович, а прямыми наследниками были его «чада», то есть сыновья (дочери не включены в понятие «чадо»). Вот как в шерти звучат слова, называющие обладателя государственной власти в России и его наследников:

Яз, Аюкай тайша Мончаков, даю шерть великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержицу и многих государств и земель восточных и западных, и северных отчичю и дедичю, и наследнику и государю, и обладателю и его государским благородным чадом, благоверному государю царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и благоверному государю царевичю и великому князю Иоанну Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и благоверному государю царевичю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии и иным его государским детем, которыхъ впредь ему, великому государю бог даст... [Посольские книги 2003, с. 57].

В этом фрагменте шерти названо собственное имя того, кому дается клятва, – имя царя Алексея Михайловича. Названы также все его регалии того времени: «великий государь царь и великий князь», «самодержец всеа Великая и Малыя и Белья Росии и многих государств и земель восточных и западных и северных», «наследник и государь», «обладатель» земель, принадлежавших его «отчичю и дедичю».

Аюка-тайша одновременно дает клятву и «его государским и благородным чадом» (сыновьям царя Алексея Михайловича) как прямым наследникам царского престола, даже еще не рожденным, в следующем порядке:

благоверному государю царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия/и Малыя и Белья Росии, и благоверному государю/ царевичю и великому князю Иоанну Алексеевичю, всеа/ Великия и Малыя и Белья Росии, и благоверному/ государю царевичю и великому князю Петру/Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии/ и иным его государским детем, которыхъ впредь ему,/ великому государю бог даст... [Посольские книги 2003, с.62]

Первая часть шерти Аюки-тайши представляет собой своеобразную полную словесную формулу определения носителя государственной власти в России на момент принятия клятвы. То, что мы имеем полную формулу определения носителя власти, подтверждается тем, что она в тексте шерти повторяется три раза [Посольские книги 2003, с. 7, с. 62–63]. Определение носителя государственной власти в России имеет и неполную форму: «великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержиц...», которая повторяется четыре раза [Посольские книги 2003, с. 58 (два раза), 59, 61].

В этой же первой части документа мы находим объяснение тому, почему дается шерть. Аюка-тайша дает клятвенное обещание служить царю, чтобы сохранить традиции, заложенные службой русскому царю его родным дедом Дайчином и отцом Мончаком:

...для того: в прошлых годех служили ему, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержицу, и во всем ево, государское, повеленье исполняли мой, Аюкаев, дед Дайчин и отец мой Мончак тайши, и где ево, государское, повеленье было на ево, государских, неприятелей, ходили по своей шерти и договорам» [Посольские книги 2003, с. 57–58].

Во второй части шерти говорится о том, от имени кого и по каким законам дается эта клятва русскому царю Алексею Михайловичу, где и в присутствии кого.

Клятву русскому царю Аюка-тайша дает от имени своих родственников и своих улусных людей, а также от имени кочующих с ним племен тюркского происхождения и их мурз, их родственников и улусных людей:

Яз, Аюкай тайша, за себя и за братью свою, и за племянников, и за всех // улусных своих калмыцких одственных и улусных людей, которые с нами вместе кочуют, и за нагайских, и за едисанских, и за енбулцких, и за майлибашских, и за келечинских мурз и за детей и братью, и за племянников, и за внучат, и за улусных их людей шерть своего отца подкрепляю...» [Посольские книги 2003, с. 58].

Интерес вызывает то, что Аюка-тайша дает клятву на верность русскому царю по законам и обрядам, установленным буддийской церковью:

Яз, Аюкай тайша, за себя и за братью свою, и за племянников, и за всех // улусных своих калмыцких родственных и улусных людей, которые с нами вместе кочуют, и за нагайских, и за едисанских, и за енбулцких, и за майлибашских, и за келечинских мурз и за детей и братью, и за племянников, и за внучат, и за улусных их людей шерть своего отца подкрепляю, шертью по своей калмыцкой вере и покланяюсь, и целую бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичик, и чотки, и саблю на свою голову и к горлу прикладываю... [Посольские книги 2003, с. 58].

Клятву Аюка-тайша дает в присутствии государевых официальных лиц, прибывших из Астрахани:

...на съезде на урочище за Волгою на речке Соляной от города в версте при боярине и воеводах, при князе Якове Никитиче Одоевском да при стольнике князе Иване Михайловиче Каркадинове, да при Василье // Лаврентьевиче Пушечникове, да при дьяке Петре Самойлове... [Посольские книги 2003, с. 58].

Во второй же части шерти указаны основные пункты договора, которые согласованы с государевыми посланниками и которые раскрывают содержание службы русскому царю:

...договорясь с ними на том, что великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, его царскому величеству нам, тайшам, самим и братье, и племянником нашим и внучатам, и улусным нашим калмыцким людям, и мурзам, и их братье, и племянником, и улусным их людям служить и великого государя на недругов, где ево, великого государя, повеленье будет, войною ходить, а под его, великого государя, города войною ни под которые не приходить и дурна никакова и задоров не чинить, и жить з государскими людьми в миру и в совете... [Посольские книги 2003, с. 58].

В третьей части шерти раскрывается основной смысл клятвы Аюки-тайши – «быть у царского величества в вечном подданстве и в послушанье и добра к нему»:

И быть мне, Аюкаю-тайше, и братье, и племянником, и всем улусным нашим калмыцким людям, и мурзам, и их детям, и племянником, и внучатам, и улусным людям, которые с нами кочуют, у великого государя царя и великого князя Алексея // Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, у его царского величества в вечном подданстве и в послушанье и добра ему, великому государю, его царскому величеству и ево, великого государя, людям хотети во всем вправду, безо всякие шатости и хитрости, и с ево, великого государя, непослушники и с ызменники ни с кем ни о чем не ссылатися и за // них не стоять» [Посольские книги 2003, с. 58–59].

Шерти и клятвы, которые давали калмыцкие владельцы русским царям, дают представление не только о том, как менялся со временем образ первых лиц русского государства, но и первых лиц калмыцкого народа.

Если во времена царя Алексея Михайловича наследниками престола были названы лица только по мужской линии – его сыновья, то в XVIII в. первыми лицами государства оказались женщины: Екатерина I – жена Петра Великого; императрица Анна Иоанновна – внучка царя Алексея Михайловича, дочь среднего сына царя – Иоанна

Алексеевича, который в шерти предстает как «благоверный государь царевич и великий князь Иоанн Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии»; императрица Елизавета Петровна – дочь Петра Великого; императрица Екатерина II – жена внука Петра Великого, сына дочери Петра Великого.

В это же время у калмыков первые лица из числа некоторых тайш превратились в ханов. Тайши – это владельцы родовых улусов, а ханы – это главы Калмыцкого ханства, сформировавшегося на территории России, которое включало в свой состав несколько десятков крупных родовых калмыцких улусов во главе с их владельцами – тайшами. Первым ханом Калмыцкого ханства стал Аюка-хан. Это звание Аюка-хан получил во времена правления Петра Первого. Во времена царя Алексея Михайловича Аюка был тайшой.

По результатам настоящего исследования сделаны выводы. Во-первых, сделан вывод о значимости лингвистического изучения жанров архивных документов, подобных шерти, которые дают представление о понятии «носитель государственной власти» на определенном этапе времени и о траектории дальнейшего развития этого понятия. Во-вторых, изучение шерти калмыцкого Аюки-тайши, как подданного русского царя, позволило сделать важный вывод: власть сильна, когда она опирается на традиции «отчичей и дедичей» (отцов и дедов) и отвечает адекватно на актуальные запросы времени. В-третьих, важен лингвистический анализ уникальных документов, подобных шерти (и шире – клятв), еще и потому, что на их основе осуществлялись конкретные дела, взаимодействовали русский и калмыцкий народы, закалялась и укреплялась их дружба в борьбе с общим противником в определенное время, на определенной территории, при участии определенных лиц на основе заключенных совместных договоренностей. И все это нашло прямое отражение в документах XVII–XVIII вв. на русском и калмыцком языках, хранящихся в фондах Национального Архива Республики Калмыкия.

Исследование жанров документов XVII–XVIII вв. из фондов РГАДА и НАРК позволяет высветить новый аспект в деле изучения функций русского делового языка. Русский деловой язык в XVII–XVIII вв. выполнял свою самую важную функцию – быть одним из главных средств объединения и укрепления сплоченности всех территорий и народов Российского государства. Доказательством этому служит региональная функция делового русского языка, выполнявшего в это время важную и главную связующую роль между центром и одним из регионов Российского государства – Калмыцким ханством, что находит отражение в языке документов того времени [Сусеева 2003]. Свидетельством тому служат тысячи официальных документов на русском и калмыцком языках XVIII в. из фондов Национального архива Республики Калмыкия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Научное издание. Элиста, 2003. 315 с.

Русские переводы 2013 — Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 744 с.

Словари

Даль 1980 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М.: «Русский язык», 1980.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь (Хальмг-орс толь). Под редакцией Б. Д. Муниева. М.: «Русский язык», 1977.

Литература

- Авляев 1994 — Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (Середина IX – I четверть XVIII вв.). М.: Элиста: Этнолог-Центр, 1994. 248 с.
- Батмаев 2002 — Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002. 391 с.
- Колесник 2003 — Колесник В. И. Последнее великое кочевье. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. 285 с.
- Митиров 1998 — Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998. 383 с.
- Пальмов 1993 — Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2 издание. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1992. 159 с.
- Сусеева 2016 — Сусеева Д. А. «Для построения оной крепостцы загодные места усмотрены меж Астрахани и Черного Яра». В. Н. Татищев и Енотаевская крепость в русско-калмыцких отношениях. 1742–1745 гг. // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 2016. № 4. С. 185–190.
- Сусеева 2003 — Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингво-социологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 384 с.
- Сусеева и Хараева 2012 — Сусеева Д. А., Хараева А. Т. К вопросу о В. М. Бакуanine как переводчике писем калмыцких ханов XVIII века и их современников // European Social Science («Европейский журнал социальных наук»). 2012. № 7 (23). С. 122–128.
- Тепкеев 2012 — Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста, 2012. 375 с.
- Хараева 2014 — Хараева А. Т. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века (на материале официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников из фонда НАРК). Элиста, 2014. 223 с.

Сведения об авторе

Данара Аксеновна Сусеева, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания,
русской и зарубежной литературы
Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова
358000, Элиста, ул. Пушкина, д. 11
suseeva@gmail.com

D. A. Suseeva

THE 17th CENTURY SHERT' (OATH) OF KALMYK TAISHA (LEADER) AYUKA FOR LOYALTY TO RUSSIAN TSAR ALEXEI MIKHAILOVICH: THE STRUCTURE OF THE GENRE, LEXICAL FEATURES IN THE DESIGNATION OF IMPORTANT CONCEPTS AND COMMENTS

Abstract

The object of the analysis is the shert' of Kalmyk Ayuka-taisha, given by him to the Russian tsar Alexei Mikhailovich. The article examines the shert' from the fund 19 “Kalmyk affairs” of the Russian State Archive of Ancient Acts; identifies the constituent parts of the text of the shert', which contains words defining the bearer of state power in Russia and the bearer of power of the Kalmyk people; a typology of such definitions is proposed. It is shown that such definitions are tied to persons (who gives a shert' to whom), to the place, time and purpose of the swearing. Ayuka-taisha took the shert' of allegiance to the Russian tsar on February 27, 1673, when Alexei Mikhailovich, the great tsar and Grand Duke, was officially called the autocrat of “all Great and Small

and White Russia and many states and lands of the east and west and north". Ayuka-taisha, as a subject who had confirmed his shert' of allegiance to the Russian tsar, was at the same time called the eldest among "his brothers and nephews", among "his Kalmyk relatives", among the murzas of "Nagai, Edisan, Enbulut, Mailibash and Kelechin" nomadic with the Kalmyk people, etc. The procedure for taking the shert' took place on the Solyanaya River, located near Astrakhan, in the presence of the Astrakhan governor Ya. N. Odоеvsky. Ayuka reinforced the shert' of his grandfather Daichin and his father Monchak for himself and for his subordinates. The conclusion is made about the importance of linguistic study of such genres of archival documents as shert', which give an idea of the concept of "bearer of state power" at a certain stage of time and about the trajectory of further development of this concept. The study of shert' of Kalmyk Ayuka-taisha, as a subject of the Russian tsar, allowed us to draw an important conclusion: power is strong when it relies on the traditions of its ancestors and responds adequately to the current demands of the time. The linguistic study of documents like shert' (and more broadly, oaths, joint agreements) is also important because real deeds have been carried out on their basis since the Kalmyks joined Russia (in 1709), and interaction between the Russian and Kalmyk peoples took place in various spheres (military, political, cultural, economic, legal and so on. The friendship of the two peoples grew and strengthened, which was directly reflected in the languages of both peoples – Russian and Kalmyk.

Keywords

Russia, 17th century, Kalmyk people, shert' (oath) of Ayuka-Taisha, the definition of the holders of power